

В ОКТЯБРЕ

Мы все — члены наших центральных революционных органов: ЦК, ПК, ВО и члены наших заводских фабричных организаций — все, начиная от руководящих верхов и кончая пролетарием, стоявшим у станка, прекрасно понимали, что выступление пролетариата неизбежно.

Все прекрасно понимали, что наш классовый враг не спит и деятельно готовится к удушению революции. Фактов, подтверждающих это, было множество; правительство Керенского приступило к осуществлению плана вывода революционно настроенного гарнизона из столицы; наоборот, в столицу приходили реакционно настроенные казачьи части; на фронте также принимались меры: расформировывались беспокойные революционные части, подавлялись малейшие попытки протеста. Правительство лелеяло мечту сдачи Петрограда задушить революцию в корне.

Между тем из провинции приходили все чаще и чаще вести о нарастающем движении крестьян, захвате помещичьих земель, стихийном процессе самочинно разрешить вековой земельный вопрос.

Все понимали, что всеобщий взрыв не за горами, что к нему нужно быть готовым, если мы не хотим остаться за бортом истории.

Нужен был чей-то авторитетный призыв, указание, определение того главного и существенного, что характеризует текущий момент.

И такое указание было дано в резолюции ЦК, где говорилось о том, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне незрело» и что «ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы...»¹.

Под влиянием всей обстановки дня и принимая для руководства резолюцию ЦК, наша петербургская организация [ПК] и созвала то историческое заседание, которое произошло 15 октября 1917 года, то есть за десять дней до переворота.

На этом заседании были заслушаны доклады от ЦК тов. Бубнова и от Военной организации мой. Бубнов так формулировал свое

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 393.

мнение: «Мы стоим накануне выступления... Что касается нашего положения, то мы должны сказать, что все висит на волоске. Шесть месяцев революции привели к развалу. Вследствие этого народные массы начинают набрасываться на всех и на все... Чтобы спасти революцию, надо взять власть в свои руки... Все элементы для восстания даны, и если мы в этом убеждены, то все силы должны подготовиться к выступлению».

Я в своем докладе также исходил из того положения, что «назрел момент вооруженного выступления».

Это было, конечно, ясно, как ясно было и то, что рабочие Питера встанут по нашему призыву, как один человек. Но мы, то есть организаторы и руководители революционного гарнизона столицы, трезво отдавали себе отчет и в том, какое огромное значение имеет для успеха нашего дела всесторонняя и тщательная подготовка к восстанию.

«Нужно помнить,— говорил я,— о том, что наше наступление только тогда выиграет, когда в первые дни мы будем иметь огромный перевес».

Приглашал я товарищей учесть и ту роль, какую должно играть в революции революционно настроенное беднейшее крестьянство и вообще провинция.

Нам, стоявшим в самой гуще солдатских масс, руководившим гарнизоном через наши партийные ячейки, организованные нами в каждой части, хорошо были видны как наши сильные, так и слабые стороны.

Мы, конечно, прекрасно понимали, что рабочие встанут по призыву нашей партии, но мы понимали, что нужна еще и вооруженная сила, та физическая сила пулеметов и винтовок, броневиков и артиллерии, без которой победить нельзя.

Насколько я помню, наша Красная гвардия обладала небольшим количеством винтовок. Больше всего их было, конечно, на крупнейших заводах, например на Обуховском заводе насчитывали штук 500 ружей; в Лесновском подрайоне было 84 винтовки, а в Городском районе были заводы, имевшие по сотне, по двадцати винтовок. Красная гвардия располагала даже пулеметом и блиндированным автомобилем (на том же Обуховском заводе). В лучшем случае в нашем распоряжении было тысяча или две винтовок, в то время как враг располагал всеми родами оружия. Правда, в ряды Красной гвардии записывались сотнями; на крупных заводах красногвардейцы числились тысячами.

Для победы революции вооруженные отряды рабочих, конечно, имели огромное первенствующее значение.

Но за всем тем — гарнизон, войска решали дело. Я разумею, конечно, военную силу, которой руководила в конечном счете партия.

Вот почему Военная организация, хорошо знавшая настроенные всех военных частей, наших и враждебных, знавшая все рода войск, какими мы располагали, призывала, учтя малейшие детали, тщательно подготовиться, насколько это возможно, обеспечить

себе перевес в первые моменты восстания. Это было важно в особенности потому, что из докладов представителей районов получалось, что настроение далеко не во всех районах боевое.

Из 19 районов представители только восьми высказывали твердую уверенность в том, что районы по первому призыву выступят твердо и решительно; представители шести (и в том числе такого, как Выборгский) заявляли, что настроение масс нерешительное и выжидательное, а представители пяти прямо говорили, что готовности к выступлению нет. В числе этих последних были такие, как Василеостровский, Нарвский и Охтинский.

Действительность показала, что представители районов ошибались, что, лишь только партия и Петроградский Совет призвали рабочих к восстанию, они всей своей массой выступили на борьбу. Уже накануне восстания это стало ясно всем, но тогда, за десять дней до восстания, казалось не так. Вот почему мы призывали к особо серьезной подготовке, к тщательному учету сил, к накоплению их для перевеса над противником, к развитию усиленной организационной и агитационной деятельности на отсталых участках фронта.

Некоторым товарищам казалось тогда, что мы слишком осторожны. Заподозрить же нас в том, что мы против выступления, никто бы не посмел, потому что мы неоднократно доказывали, что по призыву партии мы готовы выступить когда угодно и при каких угодно обстоятельствах.

Но наш опыт (особенно в июльские дни) показал нам, что значит отсутствие тщательной подготовки и перевеса сил. И вот почему мы так настаивали на учете всех наших сил и сил противников. Это обстоятельство казалось некоторым нетерпеливым нашим товарищам непонятным упрямством и доктринерством. Некоторые же товарищи, не верившие в успех, надеялись на то, что призыв ВО к тщательной подготовке вообще затянет вопрос о выступлении и оно, пожалуй, не состоится.

И вот эти-то товарищи добились того, что на нас начали «действовать». Как-то ночью мне сообщили, что меня хочет видеть Зиновьев. Это было за несколько дней до выступления.

Ко мне пришел товарищ от М. И. Калинина и просил меня повидаться с ним по важному делу. Я согласился, и мы отправились, приняв меры, чтобы нас не проследили шпионы. Попав к товарищу Калинину и дружески поздоровавшись с ним, я, к своему удивлению, вдруг увидел входящего Г. Е. Зиновьева. Несмотря на то что он изменил свой наружный вид, я тотчас узнал его. Сердечно пожав мне руку, он стал расспрашивать меня о состоянии и настроении петроградского гарнизона. Несмотря на то что я обрисовал боевое настроение гарнизона, выслушав меня, Зиновьев пришел к заключению, что победа наша не обеспечена и что поэтому выступать едва ли следует.

Я высказал свое мнение, что, хотим мы или не хотим, дело зашло настолько далеко, что выступление все равно произойдет

и революция нас сметет, если мы не сумеем руководить движением. Калинин, все время молчавший, теперь горячо поддержал меня и советовал готовиться к борьбе еще усиленной, так как восстание не за горами.

Однако переубедить Зиновьева нам не удалось.

А между тем волны революции вздымались все выше и выше.

Мне приходилось каждый день бывать почти во всех наших главных полковых частях, хотя в каждом из полков работал кто-либо из наших выдающихся товарищей. Так, помню, что дня за три до переворота я был в Гренадерском полку, где очень большую роль играли К. А. Мехоношин и Дзевалтовский. Гренадерский полк был известен тем, что часть его командного состава и солдат была судима Керенским за то, что будто бы [они] отказались наступать под Тарнополем.

В результате суда Дзевалтовский был оправдан, но свыше ста солдат-большевиков попали в каменец-подольскую тюрьму и просидели там до самой Октябрьской революции.

Когда я приехал в казармы, полк шумел как улей. Дело в том, что на собрании докладывали товарищи-солдаты — делегаты Петроградского Совета.

Некоторые из них, крестьяне, рассказывали своим товарищам, таким же крестьянам, как и они сами, своим простым языком о том, что правительство преступно медлит с разрешением земельного вопроса и что все рабочие, солдаты и крестьяне убедились в одном: надо свергнуть Керенского и взять власть в свои руки.

Солдаты шумели, некоторые из них предлагали выступать немедленно, и стоило большого труда успокоить эту бушующую массу.

Не успел я приехать к себе на Литейный из Гренадерского полка, как меня вызвали в Егерский полк. Там была такая же картина. Затем пришлось побывать в Волынском полку, в Павловском, у броневиков.

И это приходилось делать не только мне, но и другим товарищам — Подвойскому, Белякову, Мехоношину, Хитрову, Анохину и вообще всем членам Военной организации.

Нам удавалось все же сдерживать массы. Удавалось это потому, что почти во всех полках мы имели очень прочное ядро солдат-большевиков.

Помню, как-то, уже, кажется, числа 23-го, меня вызвали в Волынский полк. Здесь было много украинцев-крестьян. Когда я приехал, выяснилось, что товарищи просто хотели продемонстрировать свою готовность выступить по первому приказу Военной организации.

В Волынском полку у нас была прочная организация, и мы воспользовались ею, чтобы произвести разведку в стане врага. Еще до 25 октября, но уже в момент образования Военно-революционного комитета, членами которого были я, Подвойский и другие наши товарищи, мы решили отправить от некоторых полков,

и в том числе от Волынского, где команда пулеметчиков и 8-я рота целиком были наши, делегации солдат в штаб военного округа с требованием признать контроль Военно-революционного комитета над штабом.

Рассказ вернувшихся из штаба делегатов я и выслушал, приехав в Волынский полк. По словам товарищей, в штабе царила неразбериха и растерянность: до полковника Полковникова добраться было очень трудно, по-прежнему дежурные генералы и адъютанты свысока разговаривают со штабными отдельных частей, но чувствуется, что их величие — это плохо скрытый страх перед надвигающимися событиями; никто ничего не знает, даются распоряжения, уничтожающие одно другое, свои силы то преувеличиваются, то вдруг преуменьшаются, о приготовлениях большевиков говорят то с ужасом, то презрительно пожимают плечами, а в общем царит неуверенность, страх и одно безумное желание — поскорее покончить с таким неопределенным, промежуточным положением.

Таких разведок было сделано несколько, и мы убедились, что настоящей, военной власти у Керенского уже нет. Аппараты ее разложились, это был уже только механически связанный организм, дух, оживляющий его, уже отлетел от него.

Помню, что дня за два до переворота я был в Павловском полку. Хотя я ходил в военной куртке защитного цвета, какой-то капитан задержал меня.

— Я знаю, что вы агитатор-большевик,— сказал он мне,— я вас отпущу, но скажите мне, чего вы хотите? Ведь то, что вы обещаете народу,— это безумие, это анархия...

Я вместо ответа, чего мы хотим, нарисовал ему в ярких красках разложение страны — хозяйства, транспорта и, главное, армии.

В конце я постарался показать, что и власти уже нет, есть только фирма и актер Керенский.

— Да! — живо согласился капитан.— Вот это верно. Лучше уж какую угодно власть, да только твердую. Создадут ли ее темные, невежественные рабочие?

— О, об этом не беспокойтесь,— ответил я,— не пожалеем.

В это время человек десять солдат-большевиков — членов нашей организации, узнав, что меня задержали, пришли требовать моего освобождения. Я успокоил товарищей и, иронически поклонившись капитану, сказал:

— За твердую власть большевиков!

В противовес разложению и расхлябанности аппарата правительства, неуверенности и безнадежности его агентов, у нас, начиная от Смольного с его Военно-революционным комитетом и кончая каждым заводом, каждой фабрикой, каждой полковой частью, каждой самой маленькой ячейкой, царило всеобщее воодушевление, уверенность в успехах, твердая решимость действовать до конца.

Теперь, 15 лет спустя¹, люди, не принимавшие участия в борьбе, не понимают, как это из того всеобщего хаоса, брожения, бесчисленных толп народа, наполнявших Смольный, заводы, клубные залы, казармы, как будто бы внезапно создалась действительно могущественная власть, сумевшая внести в волнуемое человеческое море порядок и организованность.

Эти люди не понимают главного, именно того, что мы, партия революционного пролетариата, были выразителями всего многомиллионного народа трудящихся, его чаяний, его надежд, что каждый из нас, выдвинутый событиями наверх, выдвигался именно потому, что умел лучше, полнее и совершеннее других выражать эти чаяния масс; потому что каждый из нас не думал о себе, в любую минуту готов был умереть за эти интересы трудящихся, потому что масса это видела и понимала и, идя на жертву сама, верила нам, верила этой готовности каждого из нас раствориться, умереть в этом океане героического, невиданного самопожертвования.

Каждый рабочий, каждый солдат, все трудящиеся видели и понимали, что мы боремся за власть не для себя, не за свои узкоэгоистические интересы, не за то, чтобы самим сладко пить и есть, когда голодают десятки миллионов, а, живя так же, как эти десятки миллионов, в случае нужды сложить свою голову за их интересы и нужды.

Повиновались нам и шли за нами не потому, что мы угрожали тюрьмами, пытками и ссылками, а потому, что мы были выдвинуты этими массами, чтобы покончить и с тюрьмами, и с пытками, и с ссылками и создать невиданное еще царство трудящихся с безграничной свободой и счастьем.

Мы деятельно готовились к восстанию. Работы было так много, что теперь частенько приходилось оставаться и на ночь в «Военке» на Литейном. Нас, то есть Подвойского и меня, очень тревожило то обстоятельство, что мы не были особенно хорошо обеспечены со стороны Выборга и вообще Финляндии, а там, между прочим, находились моряки и артиллерия.

Как-то ночью, вскоре после свидания с Зиновьевым, я собирался прилечь отдохнуть в «Военке», как передо мной, точно из земли, вырос тов. Шотман А. В.

Он пришел сообщить мне, что В. И. Ленин желает срочно видеть меня.

Нечего и говорить, что я с огромной радостью последовал за тов. Шотманом.

Со всяческими предосторожностями мы добрались до того места, где ожидал нас Владимир Ильич.

Я не стану повторять здесь того, что мной уже было рассказано в другом месте.

---

¹ Воспоминания впервые опубликованы в 1932 г. *Ред.*

Упомяну только, что, обсудив с Владимиром Ильичем состояние наших военных сил, мы пришли к заключению, что я должен немедленно отправиться в Гельсингфорс и Выборг с целью выработки с нашими товарищами Дыбенко и Смилгой единого плана действий и, главное, обеспечения поддержки со стороны расположенных в Выборге артиллерийских частей.

Поездка моя должна была состояться быстро и срочно и притом с таким расчетом, чтобы я мог вернуться к 24-му, дню, который был намечен как день начала восстания.

Эта беседа с учителем и вождем, его советы, мудрость, твердость, предусмотрительность и вместе с тем товарищеская простота и задушевность навсегда останутся в моей памяти лучшим воспоминанием моей жизни...

Я как-то ясно до очевидности почувствовал, что вот здесь, рядом со мной, сидит тот вождь, тот могучий интеллектуальный центр, от которого идет тысяча нитей ко всем нам и к которому, в свою очередь, сходятся невидимо и таинственно те организационные связи, та воля, без какой невозможно никакое великое действие.

Я вернулся в Петроград 24-го, и в ту же ночь, с 24-го на 25-е, началось восстание.

В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982, с. 94—